Интегративные гуманитарные исследования / Integrative Humanities Research

Научная статья Original article
DOI: 10.12731/3033-5981-2026-18-1-530 **EDN:** RATDEP
УДК 81'42:327.8(73)

Образ Арктики в институциональном политическом дискурсе США: корпусное исследование

У.В. Мазуркевич, Е.С. Мучкина
Сибирский федеральный университет, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Арктический регион в последние десятилетия сосредотачивает на себе пристальное внимание мирового сообщества. В статье исследуется корпус текстов институционального политического дискурса США на арктическую тематику. Предметом исследования выступают лексико-семантические средства, формирующие образные характеристики Арктического региона в сфере политической коммуникации руководства США.

Цель – выявление основных образных характеристик Арктического региона, представленных в институциональном политическом дискурсе США в 2022–2025 годах.

Материалы и методы. Главный метод исследования – корпусный анализ с использованием корпусного менеджера Sketch Engine. В исследовании также используется дискурсивный анализ, включающий в себя элементы лексико-семантического анализа и контент-анализа.

Результаты. С помощью частотного анализа лексики и ключевых слов в корпус-менеджере Sketch Engine выявлены значимые образные характеристики Арктического региона, транслируемые институциональным политическим дискурсом США. Так, в американском политическом дискурсе 2022–2025 годов преобладают лексико-семантические поля «Угроза военной безопасности», «Законодательство и органы власти», «Экология» и «Сотрудничество». Арктика представлена объектом и местом, которому угрожают внешние (недружественные государства) и внутренние (глобальное потепление) факторы, но которое, тем не менее, находится под защитой ответственного руководства Соединенных Штатов.

Ключевые слова: политический дискурс; образ; Арктика; образные характеристики Арктики; корпусный анализ

Для цитирования. Мазуркевич, У. В., & Мучкина, Е. С. (2026). Образ Арктики в институциональном политическом дискурсе США: корпусное исследование.

Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования, *18*(1), 198–216. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-530

The image of the Arctic in the institutional political discourse of the United States: a corpus study

U.V. Mazurkevich, E.S. Muchkina
Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Abstract

Background. In recent decades, the Arctic region has become a focal point of intense attention for the global community. The article examines the corpus of the US institutional political discourse texts addressing Arctic issues. The article explores the verbal means used to construct the image of the Arctic within the sphere of the US authorities' political communication.

The **purpose** of the research is to identify the main verbal characteristics of the Arctic region as presented in the institutional political discourse of the United States from 2022 to 2025.

Materials and methods. The primary research method is corpus analysis using the Sketch Engine corpus manager. The study also employs discourse analysis, which incorporates other methods such as lexico-semantic analysis and content analysis.

Results. Through frequency analysis of keywords in the Sketch Engine corpus manager, significant characteristics of the Arctic's image conveyed in US institutional political discourse have been identified. This discourse is dominated by the thematic fields of "Threat to Military Security", "Legislation and Authorities", "Ecology", and "Cooperation". The Arctic is presented as an object and a place threatened by both external and internal factors, yet one that remains under the protection of responsible US leadership.

Keywords: political discourse; image; Arctic; text representations; corpus analysis

For citation. Mazurkevich, U. V., & Muchkina, E. S. (2026). The image of the Arctic in the institutional political discourse of the United States: a corpus study. *Russian Social and Humanitarian Studies*, *18*(1), 198–216. https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-1-530

Введение

Арктический регион как зона, разделенная между рядом циркумполярных государств, в последние десятилетия сосредотачивает на себе пристальное международное внимание. Растущее геополитическое значение Арктики находит отражение в институциональном

политическом дискурсе, который рассматривается как общение представителей общества, реализующих свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов [11, с. 190]. Данный тип дискурса является системообразующим каналом для формирования государственной повестки, транслирующей значимые для общественного развития идеи и смыслы. Так, государственная повестка сегодня представляет Арктику в качестве значимого объекта, «новой национальной идеи» [10, с. 3]. Передаваемый институциональным политическим дискурсом образ Арктики отражает реальные практики и стратегии поведения отдельного государства в этом регионе. Вместе с тем передаваемая политиками и чиновниками реальность не объективна: в процессе познания и мышления предметный мир преломляется, а образ мира моделируется и конструируется в зависимости от дискурсивных смыслов [6, с. 98], доминантных для определенного общества культурных ценностей, которые оказывают значительное влияние на осмысление политической действительности и служат руководством к принятию решений и действию [8, с. 209]. Выявление особенностей лексико-семантической репрезентации образа Арктики руководством Соединенных Штатов Америки как одной из ключевых арктических держав составляет основу настоящего исследования.

Целью исследования является выявление основных образных характеристик Арктического региона, представленных в институциональном политическом дискурсе США в 2022–2025 гг. Предметом исследования являются лексико-семантические средства репрезентации образа Арктики в институциональном политическом дискурсе США.

Важным аспектом исследования является понятие «образ», которое обладает мультидисциплинарным характером. Образ активно изучается и в лингвистике, получая различные трактовки (Н.Ф. Алефиренко, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Г.М. Гаспаров, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, М.Я. Розенфельд, Д.Н. Шмелев и др.). В рамках настоящего исследования вслед за Н.Д. Арутюновой мы понимаем образ как «модель действитель-

ного объекта, взятого в целостности», которая, тем не менее, не может совпадать с самим ним в точности [2, с. 322]. Иными словами, отсутствие содержательного соответствия образа предмета самому предмету приводит к тому, что образ выступает в качестве продукта реконструкции реальности и может быть рассмотрен как двухуровневый знак [16, с. 52]. Образ является сложным, комплексным конструктом, выполняющим когнитивную функцию [1, с. 15]. Выступая инструментом познания предметного мира и оставляя в памяти след от взаимодействия с ним, образ становится важным культурным элементом дискурсивной деятельности [1, с. 17].

Лингвистика рассматривает образ в аспекте процесса его формирования, его семантику, а также суггестивный потенциал [15, с. 188]. Учитывая воздействующую природу образа, особый интерес представляет исследование репрезентации данного феномена в политической сфере. Политика как сфера борьбы за власть [21, с. 5], неспособная существовать без коммуникации [17, с. 28], часто выступает объектом лингвистических исследований (Э.В. Будаев, Р. Водак, Т. ван Дейк, В.И. Карасик, О.Л. Михалева, Н. Фэрклаф, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.) В узком смысле под политическим дискурсом понимается «структурированная совокупность вербальных и невербальных знаков, актуализирующихся в институциональной сфере, ориентированных на полемический характер общения и реализующихся в тесной взаимосвязи с национально-культурным и социально-политическим контекстом» [9, с. 25]. Немаловажно, что ключевым понятием политического дискурса выступает идеология, понимаемая как систематически организованная репрезентация реальности, создаваемая при помощи языковых средств [18, с. 15]. Так, образ, возникающий в институциональной коммуникации, является следствием укоренённых в данном дискурсе устойчивых систем оценки и идеологически маркированных способов категоризации мира. Он формируется непроизвольно, через воспроизводство типичных для данного вида дискурса лексико-семантических шаблонов, которые в совокупности создают целостный образ Арктики. Следовательно, в современной

политике образы отражают языковую картину мира как различных политических сил, так и социума в целом [3, с. 1180].

Для системного анализа дискурсивных практик в выбранном дискурсе эффективным представляется корпусный подход. Под корпусной лингвистикой понимается область компьютерной лингвистики, использующей корпус как собрание текстов ограниченного объема, представленное преимущественно в машиночитаемом формате [19, с. 17]. Стимулируя развитие функционального подхода в лингвистике [5, с. 12], корпусные методы исследования позволяют прийти к наиболее точным и обоснованным выводам и выявить закономерности развития конкретного языкового феномена в том или ином типе дискурса за счет анализа значительного объема материала [4, с. 112]. Полученные результаты при этом выступают как эмпирически релевантные [7, с. 32], так как обоснованы статистической обработкой данных. Статистика при этом выступает важным инструментом верификации полученных результатов, а также их воспроизводимости [13, с. 93]. Корпусные исследования политической коммуникации позволяют выявить повторяющиеся в этой сфере идеи и смыслы, формирующие основу идеологических установок, транслируемых тем или иным политическим руководством.

Материалы и методы

Ключевым для данного исследования является корпусный анализ с использованием корпус-менеджера Sketch Engine. Образные характеристики Арктики были выявлены с помощью функций «Key Words» и «Word Sketch» в данном корпус-менеджере (Рис. 1, 2). Для дискурсивного анализа предложенных корпус-менеджером ключевых слов в конкретном контексте далее была использована функция «Key Words in Context». Дискурсивный анализ проводится с применением лексико-семантического и контент-анализа.

Материалами исследования служат тексты встреч, интервью, комментариев, пресс-конференций, пресс-релизов, совещаний должностных лиц США, а также тексты заседаний, постановлений, распоряжений, посвященные тематике Арктического региона

и опубликованные в Интернет-пространстве в период с февраля 2022 по февраль 2025 г.

	Term		Term		Term
1	Arctic region	14	performance report	27	Arctic environment
2	Coast Guard	15	Native tribe	28	Arctic Executive steering
3	Arctic strategy	16	NATO ally	29	GAO-24-106491 Coast Guard
4	Special area	17	Arctic challenge	30	Arctic capability
5	Arctic Council	18	subsistence resource	31	Biden-Harris administration
6	domain awareness	19	National Strategy	32	office of the Spokesperson
7	Joint Force	20	Arctic implementation plan	33	homeland defense

Рис. 1. Состав ключевых слов Корпуса в корпус-менеджере Sketch Engine, функция «Key Words»

Fig. 1. List of keywords in the corpus within the Sketch Engine corpus manager, "Key Words" feature

Тексты взяты с официальных сайтов таких ведомств, как Государственный департамент, Министерство внутренних дел, Министерство обороны и др. Материалы отобраны методом сплошной выборки и сформированы в электронный корпус текстов. Корпус включает в себя 60 англоязычных текстов и насчитывает 100 тыс. токенов.

Результаты и обсуждение

Анализ практического материала позволяет выделить в корпусе 4 основных лексико-семантических поля, формирующих ядро образного представления Арктического региона в политическом дискурсе США. Отметим, что лексико-семантические поля выстроены в порядке убывания, исходя из количества вхождений ключевых слов в то или иное поле. Количество вхождений в лексико-семантическое поле выявлено путем сложения количества всех ключевых слов, относящихся к полю.

Сфокусируемся на ключевых словах и определяемых ими лексико-семантических полях, формирующих ядро образа Арктики в политическом дискурсе США.

1. Арктика как территория угрозы для военной безопасности. Анализ материала демонстрирует, что в ядро образа Арктического региона в политическом дискурсе США входят признаки,

которые позволяют представить регион в качестве **территории повышенной угрозы для военной безопасности страны** (*Threat to Military Security*, 341 вхождение в корпус). Выделенные ключевые слова подразделяются на три лексико-семантические группы: «Военные институты и структуры» (236 вхождений), «Абстрактные концепты безопасности» (74 вхождения), «Военная инфраструктура и методы» (31 вхождение). Рассмотрение ключевых слов в контексте позволяет сделать вывод, что американское политическое руководство уверено в снижении безопасности в регионе вследствие нарастания стратегического соперничества *(Strategic competition*, 9 вхождений). Так, обороной страны *(Homeland defense,* 16 вхождений, пример 1) и обеспечением суверенитета и безопасности государства в Арктическом регионе *(Arctic security,* 27 вхождений) занимается преимущественно Береговая охрана *(Coast Guard,* 173 вхождения), официальные представители *(Coast Guard officials,* 29 вхождений) которой ежемесячно предоставляют данные о проводимых операциях *(Arctic operations,* 9 вхождений). Примером подобной операции могут служить учения «Арктический вызов» *(Arctic challenge*, 10 вхождений), в ходе которых в открытом море задействованы полярные ледоколы разных классов *(Polar icebreaker,* 13 вхождений; *Major cutter*, 9 вхождений). Кроме того, учения проводятся и объединенными вооруженными силами *(Joint Force,* 34 вхождения, пример 2) союзников в рамках системы двусторонних стратегических обязательств *(Strategic commitment,* 12 вхождений):

(1) DOD will exercise calibrated presence in the Arctic by regularly training in the region and conducting routine operations critical to upholding deterrence and ***homeland defense****.*

(2) As such, the ***Joint Force*** *will continue to exercise frequently in the Arctic through Service specific training, joint exercises…*

Так, лексико-семантическое поле «Угроза безопасности» актуализируется в институциональном политическом дискурсе США вследствие существенных изменений в международной геополитической конъюнктуре, связанных с событиями февраля 2022 г., и репрезентируется лексикой с негативной (*Strategic competition,*

Homeland defense, Arctic operations, Arctic challenge) либо нейтральной коннотацией (*Arctic security, Coast guard*). Термины с милитаристской семантикой (*Arctic security, Homeland defense, Arctic operations, Joint Force, Strategic competition*) в дискурсе об Арктике выполняют эмотивную функцию, способствуя возникновению ощущения тревоги и перманентной угрозы в дискурсе, а также на имплицитном уровне осуществляют функцию аргументации, предоставляя обоснование для усиления военного присутствия в регионе. С прагматической точки зрения обнаруживается, что риторика об ответе на угрозу в Арктическом регионе имеет под собой пресуппозицию «реальная угроза существует».

Анализ связей показывает, что Арктика часто представлена либо объектом защиты, либо пространством, на котором происходят действия по защите. Агентом защиты выступают отдельные структуры государства (*Joint Force, Coast Guard),* что подтверждается превалированием в таких предложениях активного залога. Подобная структура предложения позволяет отметить важную роль США в регионе в качестве деятельного и активного игрока. Источник угрозы при этом либо выражен имплицитно, либо зачастую представлен абстрактными номинализациями (*Strategic competition*), нацеленными на сокрытие реального деятеля.

2. Арктика, как территория, управляемая государством и регулируемая законодательством. В политическом дискурсе США Арктический регион предстает в образе **территории, находящейся под государственным управлением и регулируемой законодательством** (*Legislation and Authorities*, 319 вхождений). Лексико-семантическое поле «Законодательство и органы власти» включает в себя группы «Органы власти» (166 вхождений), «Документы и нормативные акты» (153 вхождения). Ключевыми документами, регулирующими деятельность в регионе, являются Арктическая стратегия *(Arctic Strategy,* 54 вхождения, пример 3), или Национальная стратегия *(National Strategy,* 28 вхождений). Деятельность осуществляется в соответствии с Планом действий *(Implementation Plan,* 42 вхождения), формой отчетности является отчет об испол-

нении бюджета *(Performance Report,* 29 вхождений). Главными действующими лицами в регионе являются действующий президент Д. Трамп *(President Trump,* 135 вхождений) и администрация бывшего президента Д. Байдена (*Biden-Harris Administration,* 16 вхождений, пример 4). Особая роль отводится Исполнительному руководящему комитету по делам Арктики *(Arctic Executive Steering Committee,* 15 вхождений):

*(3) Our **Arctic strategy** will guide the department's efforts to ensure that the Arctic remains a secure and stable region…*

*(4) Today's announcement builds on the **Biden-Harris administration's** actions to conserve millions of acres of lands and waters in Alaska…*

Лексико-семантическое поле «Законодательство и органы власти» репрезентировано лексемами с нейтральной коннотацией (*Arctic Strategy, National Strategy, Implementation Plan, Arctic Executive Steering Committee, Performance Report),* что свидетельствует о лишенной оценки и эмоций политике, имплементации стратегий и планов. Семантически политика США в регионе имеет двойственную природу: с одной стороны, это – бюрократический механизм, независимый от личных амбиций и внутрипартийных разногласий (*Implementation Plan, Performance Report, Executive Committee*), а с другой – ряд действий, совершаемый конкретными администрациями (*President Trump, Biden-Harris Administration*). Прагматически ссылка на нормативные акты и государственную документацию служит для обоснования государственного контроля над территорией. Освоения Арктики представлено как спланированный, регулируемый процесс. Так, образ Арктики как управляемой территории служит инструментом легитимации американского присутствия и суверенитета в регионе. Путем апелляции к формальным механизмам американское руководство представляет свою деятельность в Арктике в качестве нормальной и рутинной государственной практики.

3. Арктика как пространство обострения экологического вопроса. Политический дискурс США периода 2022–2025 гг. рассматривает Арктику через призму **пространства обострения эко-**

логического вопроса (*Ecology*, 149 вхождений), моделируемого лексико-семантическими группами «Ресурсы и природные компоненты» (74 вхождения), «Территория» (63 вхождения), «Меры» (12 вхождений). Так, государство формирует повестку усиленной защиты *(Maximum protection,* 12 вхождений) и сохранности арктических экосистем *(Arctic ecosystems,* 9 вхождений), окружающей среды региона *(Arctic environment,* 17 вхождений*)*, а также осуществляет контроль за состоянием морских льдов *(Sea ice,* 17 вхождений). Официальные структуры формируют специальные природоохранные зоны *(Special Areas*, 49 вхождений), среди которых – Национальный арктический заповедник *(Arctic National Wildlife Refuge,* 14 вхождений). Таким образом, исполнительные структуры государства озабочены сохранностью территорий традиционной хозяйственной деятельности и их ресурсной базы *(Subsistence resource,* 19 вхождений), сохранением невозобновляемых источников энергии и первозданной природы *(Resource value,* 12 вхождений, пример 5):

(5) Congress directed the BLM to balance oil and gas development with the management and protection of significant ***resource values*** *in locations known as Special Areas and mitigate impacts of oil and gas activities…*

В аспекте семантики в лексико-семантическом поле «Экология» преобладают лексемы с позитивной (*Maximum Protection*) и нейтральной коннотацией (*Arctic ecosystems, Arctic environment, Arctic National Wildlife Refuge, Resource value*). Вместе с тем вопрос усиленной защиты (*Maximum Protection*) окружающей среды фиксирует в сознании реципиента установку «Арктике требуется защита», которая на имплицитном уровне имеет под собой пресуппозицию «Арктике что-то угрожает», повышающую эмоциональный фон. Прагматическая цель данной тематики – аргументация присутствия США в регионе и его законного расширения, обоснование необходимости охранять Арктику. Руководство США вновь представлено ответственным источником защиты, в то время как Арктика – ее объектом. На эксплицитном уровне закрепляются либеральные ценности, важным элементом которых является ответственное отношение к природе.

4. Арктика как площадка для международного сотрудничества. Образные характеристики Арктики в американском политическом дискурсе отличаются представлением региона в качестве **площадки для международного сотрудничества** (*Cooperation*, 133 вхождения), определяемой лексико-семантическими группами «Союзники» (68 вхождений), «Международные организации и взаимодействие» (56 вхождений), «Проблемы» (9 вхождений). Так, особая роль отводится Арктическому совету *(Arctic Council,* 38 вхождения) как ключевой платформе взаимодействия с международными партнерами *(International partners,* 12 вхождений; *Arctic allies,* 24 вхождения) в регионе в целях борьбы с общими вызовами *(Shared challenges,* 9 вхождений). В свете вступления Швеции в НАТО *(Sweden's accession,* 7 вхождений), сотрудничество в Арктике *(Arctic cooperation*, 10 вхождений) происходит в режиме взаимодействия с партнерами по Северному альянсу *(NATO Allies,* 25 вхождений, пример 6), в том числе и в европейской части региона *(European Arctic,* 8 вхождений):

(6) Seven of eight Arctic nations (Canada, Denmark, Finland, Iceland, Norway, Sweden, and the United States) are now ***NATO Allies****, thereby strengthening the Western security architecture in the region.*

Лексико-семантическое поле «Сотрудничество» представлено лексикой как с позитивными (*International partners, Arctic cooperation*), так и с негативными (*Shared challenges*) коннотациями. Количественное преобладание существительного с военной семантикой «*allies*» (союзники) над нейтральным существительным «*partners*» (партнеры) представляет Арктику в качестве локации для создания военно-стратегических альянсов. Тематика сотрудничества построена на оппозициях, в которых эксплицитно выраженные «свои» (*NATO allies, Arctic allies, European Arctic*) противопоставлены имплицитно обозначенным «чужим». Так, в примере 6 указание на семь арктических держав (*seven of eight Arctic nations*) с их дальнейшим перечислением обращает внимание на отсутствие России как восьмой державы, что помещает ее в сферу «чужих», отмечая скрытую конфронтацию. Обращается внимание и на оппо-

зицию «Запад – Восток» (*Western security*). Арктика, таким образом, представлена как территория военного присутствия сплоченного Запада, а сотрудничество в Арктике с прагматической точки зрения подразумевает под собой военно-стратегические объединения западных государств. Так, на эксплицитном уровне выражены либеральные устои и ценности, а на имплицитном – фактическом – уровне фиксируются установки реализма, основанного на жесткой силе и принципе «все против всех».

Помимо ядерной зоны в структуре исследуемого образа можно выделить периферийную зону. Анализ частотных характеристик материала помогает понять, что регион представлен также в качестве **зоны стратегических национальных интересов государства** (*National priorities*, 149 вхождений), **родной земли коренных народов** (*Native communities*, 101 вхождение), **региона преобладания добывающей промышленности, в частности, нефти и газа** (*Mining and Oil Industry*, 97 вхождений). Частотное распределение свидетельствует о доминировании государство-центричного подхода, в котором гуманитарная и экономическая составляющие служат дополнительными элементами структуры образа региона. Представленные лексико-семантические поля углубляют оппозицию «Либерализм – Реализм» в американском институциональном политическом дискурсе, где с одной стороны расположены интересы человека, его права и свободы, а с другой – интересы государства, сохранение и укрепление его геополитической и экономической мощи.

Функция «Word Sketch» позволяет сделать вывод о грамматических структурах, преобладающих в текстах Корпуса (Рис. 2). Так, Арктика представлена Объектом, на который направлено действие и который следует сохранять, улучшать, обеспечивать его стабильность (*preserve, improve, ensure,* пример 7):

*(7) …**ensuring a Stable Arctic** Through Vigilance, Power Projection, Cooperation, and Preparation.*

В то же время Арктика как Агент действия становится более доступной (*become*), вследствие чего играет значительную роль для формирования политики циркумполярных государств (*play*). Вме-

сте с тем Арктика представлена пассивным Агентом, поскольку является объектом влияния, переживая трансформации и изменения (*undergo,* пример 8):

Рис. 2. Репрезентация Арктики как Агента и Объекта в Корпусе, функция «Word Sketch»
Fig. 2. Representation of the Arctic as an Agent and an Object in the Corpus, using the "Word Sketch" feature

(8) The United States works together with Canada to solve shared challenges as ***the Arctic undergoes*** *a dramatic transformation driven by climate change.*

Заключение

1. Ядро образа Арктического региона в рамках политического дискурса США тематически формирует идея повышенной угрозы

военной безопасности региона, преобладание экологической повестки и международного сотрудничества. Все упомянутые сферы регулируются законодательством и государственными структурами США.

2. В структуре образа Арктики в американском политическом дискурсе доминируют лексико-семантические поля «Угроза военной безопасности», «Законодательство и органы власти», «Экология» и «Сотрудничество». Лексико-семантические поля «Угроза военной безопасности», «Экология» и «Сотрудничество» эксплицитно или имплицитно актуализируют тематику внешней или внутренней угрозы. Фиксируется семантическая оппозиция «свои» (союзники по НАТО) и «чужие» (имплицитно выраженные акторы, в том числе Россия).

3. Анализ грамматических структур, преобладающих в текстах корпуса, демонстрирует, что на вершине иерархии находится государство как активный субъект (агент). Арктика при этом служит объектом, для сохранности которого прикладываются усилия, а также местом реализации этих усилий.

4. Прагматический анализ позволяет заключить, что репрезентация Арктики в американском дискурсе подчинена целям легитимации присутствия США и его расширения в регионе, а также созданию образа США в качестве ответственного либерального актора. Эксплицитно выраженная экологическая и гуманитарная риторика имеет имплицитную основу в виде военно-стратегических и энергетических интересов.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. (2021). Языковые образы как единицы этнокультурного сознания. *Гуманитарные исследования. Языкознание, 4*(80), с. 10–18. https://doi.org/10.21672/1818-4936-2021-80-4-010-018. EDN: https://elibrary.ru/ERMWMY
2. Арутюнова, Н. Д. (1999). *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры, 895 с. ISBN: 5-7859-0027-0. EDN: https://elibrary.ru/YLAWAR

3. Балашова, Л. В. (2017). Горизонтальная модель пространственной метафоры в медийном образе России (жанры аналитического обзора и экспертного мнения). *Quaestio Rossica, 5*(4), с. 1178–1196. https://doi.org/10.15826/qr.2017.4.274. EDN: https://elibrary.ru/YMMEJT
4. Баранов, А. Н. (2001). *Корпусная лингвистика. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие*. Москва: Эдиториал УРСС, 360 с.
5. Белов, В. А. (2024). Компьютерные технологии в лингвистике. *Verba. Северо-Западный лингвистический журнал, 3*(13), с. 8–23. https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-3(13)-8-23. EDN: https://elibrary.ru/VWMOOH
6. Берендеев, М. В. (2011). Образ и дискурс: к вопросу о дискурсивном характере формирования политических образов. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки, (6)*, с. 91–99. EDN: https://elibrary.ru/NWDHDV
7. Борискина, О. О., & Шилихина, К. М. (2017). Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике. *Политическая наука, (2)*, с. 30–53. EDN: https://elibrary.ru/ZAFKUT
8. Будаев, Э. В. (2020). *Сопоставительная политическая метафорология*. Санкт-Петербург: Наукоёмкие технологии, 464 с. ISBN: 978-5-6044793-2-2. EDN: https://elibrary.ru/EJLKDK
9. Детинко, Ю. И., & Куликова, Л. В. (2017). *Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа*. Красноярск: СФУ, 168 с. ISBN: 978-5-7638-3468-0. EDN: https://elibrary.ru/XWWCAP
10. Жигунов, А. Ю. (2022). *Концепт-идеологема «Арктика»: формирование и динамика развития в русской медийной картине мира: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук*. Омск, 24 с. EDN: https://elibrary.ru/MFUOLU
11. Карасик, В. И. (1998). О категориях дискурса. В: *Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сборник научных трудов* (с. 185–197). Волгоград–Саратов: Перемена.

12. Карасик, В. И. (2002). *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена, 331 с. ISBN: 5-88234-552-2. EDN: https://elibrary.ru/UGQAMP
13. Копотев, М. В. (2021). О некоторых следствиях корпусной лингвистики для общей теории языка. *Филологический класс, 26*(2), с. 90–102. https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-07. EDN: https://elibrary.ru/KSQGQN
14. *Корпус-менеджер «Sketch Engine»*. Retrieved from: https://www.sketchengine.eu (accessed: 03.12.2025).
15. Токарев, Г. В. (2018). Семиотический аспект образности художественного текста. *Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки, 4*(70), с. 187–196. EDN: https://elibrary.ru/OWIOUN
16. Фомин, И. В. (2018). Образ государства: семиотическая модель. *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин, (8)*, с. 47–60. EDN: https://elibrary.ru/YLTMHJ
17. Шейгал, Е. И. (2000). *Семиотика политического дискурса: диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук*. Волгоград, 431 с. EDN: https://elibrary.ru/NLROTZ
18. Kress, G., & Hodge, R. (1979). *Language as Ideology*. London: Routledge & Kegan Paul, 163 p.
19. McEnery, T., & Wilson, A. (2001). *Corpus Linguistics: An Introduction. Second edition*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 256 p.
20. Van Dijk, T. A. (2011). Discourse and Ideology. В: *Discourse Studies* (pp. 379–407). London: Sage.
21. Wodak, R. (2009). *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. Palgrave Macmillan, 268 p.

References

1. Alefirenko, N. F. (2021). Linguistic images as units of ethnocultural consciousness. *Humanities Research. Linguistics*, 4(80), pp. 10–18. https://doi.org/10.21672/1818-4936-2021-80-4-010-018. EDN: https://elibrary.ru/ERMWMY

2. Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the Human World*. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 895 pp. ISBN: 5-7859-0027-0. EDN: https://elibrary.ru/YLAWAR
3. Balashova, L. V. (2017). The horizontal model of spatial metaphor in the media image of Russia (genres of analytical review and expert opinion). *Quaestio Rossica*, 5(4), pp. 1178–1196. https://doi.org/10.15826/qr.2017.4.274. EDN: https://elibrary.ru/YMMEJT
4. Baranov, A. N. (2001). *Corpus Linguistics. Introduction to Applied Linguistics: A Textbook*. Moscow: Editorial URSS, 360 pp.
5. Belov, V. A. (2024). Computer technologies in linguistics. *Verba. North-Western Linguistic Journal*, 3(13), pp. 8–23. https://doi.org/10.34680/VERBA-2024-3(13)-8-23. EDN: https://elibrary.ru/VWMOOH
6. Berendeev, M. V. (2011). Image and discourse: On the discursive nature of political image formation. *Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, (6), pp. 91–99. EDN: https://elibrary.ru/NWDHDV
7. Boriskina, O. O., & Shilikhina, K. M. (2017). Corpus studies of political discourse in linguistics. *Political Science*, (2), pp. 30–53. EDN: https://elibrary.ru/ZAFKUT
8. Budaev, E. V. (2020). *Comparative Political Metaphorology*. Saint Petersburg: Naukoemkie Tekhnologii, 464 pp. ISBN: 978-5-6044793-2-2. EDN: https://elibrary.ru/EJLKDK
9. Detinko, Yu. I., & Kulikova, L. V. (2017). *Political Communication: Experience in Multimodal and Critical Discourse Analysis*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 168 pp. ISBN: 978-5-7638-3468-0. EDN: https://elibrary.ru/XWWCAP
10. Zhigunov, A. Yu. (2022). *The Concept-Ideologeme "Arctic": Formation and Development Dynamics in the Russian Media Worldview: Abstract of Candidate Dissertation in Philological Sciences*. Omsk, 24 pp. EDN: https://elibrary.ru/MFUOLU
11. Karasik, V. I. (1998). On discourse categories. In: *Linguistic Personality: Sociolinguistic and Emotive Aspects: Collection of Scientific Papers* (pp. 185–197). Volgograd–Saratov: Peremena.

12. Karasik, V. I. (2002). *Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena, 331 pp. ISBN: 5-88234-552-2. EDN: https://elibrary.ru/UGQAMP
13. Kopotev, M. V. (2021). On some consequences of corpus linguistics for the general theory of language. *Philological Class*, 26(2), pp. 90–102. https://doi.org/10.51762/1FK-2021-26-02-07. EDN: https://elibrary.ru/KSQGQN
14. *Sketch Engine Corpus Manager*. Retrieved from: https://www.sketchengine.eu (accessed: 03.12.2025).
15. Tokarev, G. V. (2018). The semiotic aspect of imagery in literary text. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*, 4(70), pp. 187–196. EDN: https://elibrary.ru/OWIOUN
16. Fomin, I. V. (2018). The image of the state: A semiotic model. *METOD: Moscow Yearbook of Works in Social Sciences*, (8), pp. 47–60. EDN: https://elibrary.ru/YLTMHJ
17. Sheygal, E. I. (2000). *Semiotics of Political Discourse: Doctoral Dissertation in Philological Sciences*. Volgograd, 431 pp. EDN: https://elibrary.ru/NLROTZ
18. Kress, G., & Hodge, R. (1979). *Language as Ideology*. London: Routledge & Kegan Paul, 163 pp.
19. McEnery, T., & Wilson, A. (2001). *Corpus Linguistics: An Introduction* (2nd ed.). Edinburgh: Edinburgh University Press, 256 pp.
20. Van Dijk, T. A. (2011). Discourse and ideology. In: *Discourse Studies* (pp. 379–407). London: Sage.
21. Wodak, R. (2009). *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. Palgrave Macmillan, 268 pp.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Мазуркевич Ульяна Вячеславовна, магистрант кафедры теории германских и романских языков и прикладной лингвистики
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
umazurkevich111@mail.ru

Мучкина Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории германских и романских языков и прикладной лингвистики
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
mes_kras@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ulyana V. Mazurkevich, Master's student at School of Philology and Language Communication
Siberian Federal University
79, Svobodny Pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Russian Federation
umazurkevich111@mail.ru

Ekaterina S. Muchkina, PhD in Philology, Associate Professor at School of Philology and Language Communication
Siberian Federal University
79, Svobodny Pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Russian Federation
mes_kras@mail.ru
SPIN-code: 7122-1950
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7173-0583
ScopusAuthor ID: https://www.scopus.com/authid/detail.uri?authorId=57221222935
Google Scholar: https://scholar.google.ru/citations?user=zOLGfaYAAAAJ&hl=ru

Поступила 10.02.2026
После рецензирования 04.03.2026
Принята 10.03.2026

Received 10.02.2026
Revised 04.03.2026
Accepted 10.03.2026